Царь Коръ

(Чердынское предание)
К. Жаков

> *Перевод на современный русский язык и литературная правка*
> *Сохранены мифологические имена, топонимы и стилистика эпоса*

I

Жёлто-багровая луна вышла из-за далёких гор «Каменного пояса» земли и залила своим светом город Искорь, возвышавшийся, словно птичье гнездо, на неприступной скале, окружённой у подножия тёмными лесами. Серые стены и высокие башни по углам покрылись светло-жёлтым багрянцем. Острия копий и сабли воинов городской стражи заблистали блуждающими огнями в лучах восходящей из-за тёмных гор луны. Двускатные крыши домов внутри городских стен тоже озарились лунным светом и отбрасывали длинные тени на безмолвные улицы.

Тишина в городе не нарушалась — жители мирно спали, забыв радости и заботы повседневной жизни. Никто не проснулся, когда сквозь прозрачную слюду окон хлынули снопы лунных лучей, освещая пол, стены и белые печи. Только в одном высоком тереме горели факелы, изливая потоки света на молчаливо-пустынные тёмные улицы. Там шёл большой пир: благодушный царь Корь угощал ночью своих любимцев и героев народа.

За большим столом на сосновых скамьях сидели его вельможи: славный Бурмат, знаменитый Кагаморт, отважный Порсьюр — и рядом с ними дети царя: старший Редигар, странствовавший по Биармии, и младший — красавец Мичаморт. Посреди них, в красном кафтане, восседал рыжебородый могучий царь Корь.

Ендова с пенной брагой переходила из рук в руки, не задерживаясь, а за ней следовали серебряные ковши с заморским вином. Стол ломился от яств — даров Севера: здесь были птицы всех родов — рябчики, тетерева — и рыба с Колвы, с реки Вышеры и многоводной горной Печоры: семга, нельма, сиги, щуки спокойно лежали на блюдах.

В углу сидел певец и на ветхой домбре играл старинные, величавые песни о древних богатырях и подвигах царя Коря.

И запел певец, играя на домбре:

> Наш могучий, Корь прекрасный,
> Богатырь рыжебородый,
> Золотом кудрей блистает!
>
> Некогда он шёл войною
> На вогулов и на обьгра,
> Пошёл в страну Востока,
> С ним без счёта наше войско.
> Шли рекой, горами, пармой,
> Всё к востоку, дальше в горы —
> Корь искал своих врагов там,
> Лук и копьё в руках держал он.
>
> Между синими скалами,
> Близ стремнин, ущелий мрачных
> Отдалённых гор Уральских
> Он нашёл, неутомимый,
> В ельнике густом вогулов.
> Нагнал их, вождь безстрашный,
> На вершинах сизоликих,
> Гор туманных, пред Сибирью.
>
> Богатырь остяк Сямдей,
> Князь вогульский Беренделя
> Бросили копьё в героя,
> Острой саблей замахнулись.
>
> Не дремал и пермяцкий витязь:
> Как олень, вскочил он быстро,
> Как песец — вспрыгнул приморский.
> Корь сразил копьём вогула,
> Выстрелом убил другого —

> Того, кто вождём считался обьгра
> И царём земли Остяцкой.
>
> Это видел месяц в небе,
> Солнце радовалось битве!
>
> Слава Перми распространилась
> За горами голубыми,
> В золотой стране Востока.
> Покорились царю Корю
> Остяки, вогулы, утры.
>
> Обь-река, Иртыш прозрачный
> И Тобол узнали о Перми,
> О владеньях царя Коря
> У истоков светлой Камы,
> Жёлтой Выньвы, красной Чаньвы
> И других потоков горных,
> Нам известных, безымянных,
> Что текут всё в страны юга
> К Сарыджь-морю за равниной,
> Где стаи птиц стремятся
> Тёмной осенью дождливой.

Так пел певец, и гости внимали ему в тишине. Веселье усилилось на пиру у царя после звуков домбры и великих слов певца. Ендова с белопенной брагой и серебряные ковши с кипящим заморским вином быстрее переходили из рук в руки. Голоса и смех раздавались среди пирующих.

Но вот снова раздался голос певца, и зазвенели струны домбры:

> Воспою я Редигара,
> Сына царского прославлю!
> Как он был в земле далёкой,
> В светозарной Биармии,
> Что лежит там, в устье Эжвы,
> На Двине цветёт великой,
> Упираясь в берег моря,

У студёных волн Сарыджя —
Города стоят златые.

Редигар наш светлоликий
По теченью рек спустился
И дошёл до дна Двины он,
Ветру и водам послушный.
Белокрылый парус лодки
Вёл его на север тёмный,
К птицам каленикам поближе,
В город Кардор отдалённый.

Редигар здесь без боязни
Посетил царя Рамдая,
Видел деву Тарьяну —
Дочь царя в сосновом доме.
Жертвы приносил Рамдай там
Вместе с дочерью прекрасной,
Молил бога он Юмалу
О здоровье Редигара.
Прочил дочь свою он замуж
За него, за сына Коря,
Что пришёл из стран Востока,
Из страны зари румяной,
С синей Камы, с гор великих.

Ручку белую дала тут
Дочь Рамдая, Тарьяна,
Редигару, князю Перми:

«Ты, мой муж, судьбой данный,
Погости у нас немного —
До ущерба девы неба,
До конца луны осенней,
От цветенья земляники
До поры черники сладкой,
От брусники ярко-красной
И морошки пестроцветной,

> Что растёт в сырых болотах,
> До полёта птиц небесных,
> От студёных волн Сарыджя,
> Улетающих в край тёплый,
> В край счастливый, светозарный.
>
> За полётом птиц воздушных,
> Как услышу шум их крыльев,
> Гоготанье, клик и радость —
> Я отправлюсь за тобою
> В страны дальние Востока
> По волнам лесистой Эжвы,
> По притокам неизвестным,
> В область Камы, в город Искорь».

И привёл он эту деву — Редигар светлокудрявый. Все дивились её красоте.

> «Цвет Двины, дочь Биармии,
> Синеглазая, белолицая!» —
> Говорили наши жёны.
> «Лунный серп один на небе,
> В царстве Коми Тарьяна
> Всех затмила нас красою».

Так пел певец — то умолкал, то снова струны домбры дрожали в его руках. Всем было весело, герои волновались, опьянённые вином и брагой.

Но среди пирующих один не веселился и не пьянел — это был младший сын Коря, Мичаморт. Давно поразила его стрела любви — лучезарного сына солнца Шонды-пи. Он встретил в лесу Тарьялу, дочь жреца Бараморта, и полюбил её. Но Тарьяла не ответила взаимностью — её не тронули ни слёзы, ни вздохи царского сына. Эта дева оказалась недоступнее и твёрже скалы, на которой возвышался зубчатый город отца Мичаморта.

Царь Корь, веселясь, заметил бледность сына, который не смеялся и не хвастался ничем на великом пиру. Он видел печаль на лице сына, но медлил спросить о причине — не привык решать быстро, любил обдумать каждое слово.

Между тем луна выше и выше поднималась по небу, рисуя на стенах терема светлые и тёмные фигуры — тени деревьев и узоры их ветвей, вечно шумящих около царского дома.

Пир продолжался.

Вдруг распахнулись двери, и в пиршественную комнату вошёл страшный жрец — слуга бога Войпеля, сам Бараморт. Он был покрыт совиным пухом, украшен мехами соболя и горностая; на нём звенели железные и медные кольца, вделанные в тело, со стальными ножами, чьи лезвия блеснули в свете факелов.

Сняв лисью шапку, он обнажил всем свою седину, поднял руки к небу и громовым голосом произнёс:

> «Великий царь многогорной Перми!
> Твой сын опозорил мою дочь сегодня
> До восхода карающей луны
> В священном лесу бога Войпеля.
> Сын севера, грозный ветер —
> Чуткоухий Войпель разгневался,
> И все про то боги и богини!
>
> Вечерняя жертва моя не принимается богами:
> Дым идёт не к небу, а долу.
> Сквозь багровое пламя и прозрачные воды
> Священных сосудов в кумирнице
> Увидал я печальную судьбу
> Нашей великой страны —
> Пораженья и несчастья нашего народа.
>
> Во всём виноват твой сын Мичаморт,
> Обесчестивший дочь мою,
> Ворвавшийся в мой дом
> В священном лесу и оставивший её одну без меня.
> Когда я вернулся к домашнему богу — воршуду,
> Я встретил дочь в слезах, в изорванной одежде,
> А преступник уже скрылся в тени священных деревьев.

> Спеши, царь Корь! Умилостиви богов —
> Их ненависть страшна людям!
> Прекратите пир и веселье,
> Спешите к жертвам и молитвам
> В жилище богов...
>
> Вот, вот — идёт беда,
> Летит и мчится на чёрных крыльях!
> Отсрочьте времена, которые не медлят!»

Так говорил жрец Бараморт, воздевая руки к небу, звеня кольцами и лезвиями ножей. Высказав всё, он вышел из дома царя, оставив всех в глубоком молчании — как громом поражённых предвещаниями страшного волхва несчастья для пермской страны.

Царь Корь сидел, облокотившись на могучие руки; голова его поникла, рыжая борода лежала на столе. Мичаморт смотрел испуганными глазами на отца, Редигар — на Мичаморта, вельможи переглядывались и молчали.

Наконец славный Бурмат, лучший из воинов царя, обратился к нему:

> «Благодушный царь Корь!
> Не следует нам печалиться и внезапно прекращать пир.
> Напрасно жрец ворвался не ко времени.
> Мы не знаем, что было — может, старику всё приснилось?
> Ведь наш волхв уже очень стар.
> Если же Мичаморт провинился — не гневайся на него:
> Он ещё слишком молод.
> Да и велика ли беда? Чудо ли, что царский сын,
> Прекрасный, как лесной цветок,
> Осмелился на простую деву?
> Горе лишь в том, что случилось это
> В священном лесу, полном тайн и чудес,
> Где живут старые богини Ибма.
> Но боги любят царя Коря и примут его жертвы,
> А богини не разгневаются на юного Мичаморта
> И предадут забвению всё, что случилось до восхода луны».

Так говорил Бурмат, и вслед за ним все заговорили, порицая жреца и оправдывая Мичаморта.

Царь Корь поднял голову и обратился к певцу:

> «Утешь меня, певец вдохновенный,
> Музыкой великих песен и священных слов!
> Спой нам о богах и о Перми Великой».

И снова запел Ворморт, перебирая пальцами струны из оленьих сухожилий:

> Боги страшные на небе!
> Раскройте ваши уши,
> Внимайте звукам домбры,
> Звукам песен нежно-звучных!
>
> Заклинаем — мы зовём вас
> Не к печали, а к веселью!
> В лунном свете жёлто-бледном
> Отдалите смертный час наш,
> Удлините нити жизни —
> Скоро, скоро дни проходят
> Человека в этом мире.
>
> Ен — великий, матерь солнца,
> Мать луны — та божья утка,
> Что летает в синем небе,
> И бог страшный, бог крылатый,
> Трёхголовый, светозарный —
> Солнца лик, незримый ночью,
> Днём летящий над землёю.
>
> Вниз глядят они оттуда
> Терпеливо и спокойно
> Сквозь хрусталь чертогов неба.
>
> Иногда они насыпают снегом
> Наши горы и долины,
> Иногда же умывают
> Лик земной небесным ливнем —
> Так старательно, с любовью.

Но суд и правду на земле
Вершат иные духи:
Грозный Войпель, величавый,
Вихрь горный, чуткоухий —
Ждёт он жертв и молитв.

Под землёю — Куль, бог мрачный:
Тени душ он принимает,
Жребий грешникам готовит.

Мать земли — Мумам — питает
В этом свете белочёрном
Всех детей, людей-малюток,
Ей рождённых не без боли
От супруга — бога солнца.

Боги наши любят Коря —
Благодушного владыку
Всех земель по синей Каме.

Не печалься, грозный воин!
Боги все с тобою рядом:
Отразят удары сабель,
Отклонят удары копий,
Стрел смертоносных не бойся —
Мимо прожужжат, как пчёлы.

На скале твой город чудный
Окружён лесами-пармой.
Побоится чужеземец
В страну скал и гор великих,
Безымянных рек глубоких
Воинов толпу приблизить.
Остановится вдали он,
Поглядит, махнёт рукою
И назад вернётся вскоре,
Испугавшись синей выси,
Мрачных гор, потоков шумных.

Не печалься, Пермь родная!
Ты прикрыта от народов
Растояньем тёмным, дальним,
Камнем серым и лесистым,
Режь узором, бездорожьем,
Кратким летом, шумом бури,
И сугробов пеленою —
Мрачной, вязкой, непроходной,
Долгой зимней непогодой.

Будь в лесах, в горах красуйся,
У верховий маловидных,
Рек излучистых и тёмных,
У ключей, поющих звонко,
У ручьёв, шуршащих в парме.

О сказаньях чудно-тайных,
Дел великих, незабвенных
Витязей гористой пармы,
О преданьях светозарных
Старины певуче-громкой,
Дел минувших песнопеньях —
Стародавних струн дрожанье
Слышим мы в лесах еловых,
Меж ветвями в красных борах,
На полянах, меж цветами,
Где ромашка и шиповник
Утешают наши взоры.

Здесь красуйся, Пермь златая!
Не стремись на юг волшебный —
К северу лишь направляй ты
Пальцы ног своих могучих!
Всей ступнёй ходи по пармам,
Травянистых тундр не бойся,
Волн студёных океана —
Полюбили боги наши
Север тихий и прекрасный!

> Не хотят они отсюда
> Ни к востоку, ни на запад,
> Ни на юг огнисто-светлый
> Уходить по доброй воле
> Без велений высших рока,
> Миром правящего вечно».

Так играл Ворморт — десять струн домбры громко дрожали. Слова певца утешили царя Коря: он поднял голову, стал пить брагу, и все последовали его примеру.

Заря уже румянилась за горой «Полюд», за «Помяненной» и за вершиной «Кворкуша», когда гости разошлись из дома царя Коря. Он остался один с Мичамортом и спросил его о случившемся.

— Два дела сделал я, — сказал Мичаморт. — Одно доброе, другое — злое. За первое похвали, за второе накажи.

> Я был у лесистого верховья реки Колвы, между сизыми скалами. Там, высоко над рекой, в трещине скалы, увидел я пещеру — а внутри огромное яйцо. Его снесла великая птица Рык. Оно, как серый камень, лежало на дне тёмной пещеры. Я погладил его, но не разбил — осторожно вышел и завалил вход хворостом и валунами, чтобы дикие звери и неразумные люди не разбили яйцо великой птицы.
>
> С тех гор каменистых спустился я по волнам быстрой, многоводной Колвы. Не доходя до нашего скалистого города, на лесистом берегу встретил я Тарьялу у ручья, что с шумом изливает воды поверх разноцветных камней в спокойно текущую Колву.
>
> Я давно любил эту деву. Вышел из лодки — и погнался за ней. Она убежала в тёмный лес страшного Войпеля, чуткоухого бога Шуа, добежала до избы отца и вбежала в неё. Я же за ней — и здесь употребил насилие, потому что тоска довела мою душу, и любовь помутила разум.
>
> Свершив злодеяние, я быстро скрылся за деревьями. А она, стоя на крыльце, кричала и звала отца.
>
> Вот всё, что случилось, отец мой!

Рыжебородый Корь, выслушав сына, сказал:

— Хорошо. Иди спать. Может быть, боги помилуют нас.

Мичаморт ушёл в свой дом, а царь Корь долго сидел у окна в своём тереме, обуреваемый мыслями и томимый тяжёлым предчувствием. Уже солнце зашло за горы — за синие головы, что, как дальние облака, поднимались на востоке, — а царь всё ещё не спал.

> «Надо умилостивить богов: принести им чёрного быка, барана с белым пятном и золотую утку. Нужно успокоить жреца — взять его дочь Тарьялу замуж за Мичаморта. И усилить войско, стоящее в лесах у Иокчи!»

Так решил он в уме и с этой мыслью ушёл в покои отдохнуть после шумной ночи.

II

Не прошло и времени, что отделяет зрелую луну от её ущерба, как ужасная весть потрясла жителей города на высокой скале: какой-то народ приближался к их городу — на конях, вооружённый луками, жестокий и безжалостный.

Царь Корь с сыновьями и вельможами вышел на стены города. С высокой башни он увидел вдали воинов в красных кафтанах, в меховых шапках — все на лихих конях, вооружены длинными копьями и острыми саблями. Копья и сабли блистали в лучах солнца, кумачовые кафтаны горели, как жар, на полянах между зелёными лесами. Неизвестный народ приближался, а пермское войско бежало перед ним.

Ещё два ряда холмов отделяли ужасных врагов от города.

Храбрый Корь — богатырь пермский — велел сыновьям, Бурмату и Порсьюру бежать к пермскому войску, чтобы вдохновить его на битву в тёмных, непроходимых лесах между холмами. Сам же он смотрел на врагов в ярко-красном кумаче и думал о защите скалы и города Искоря.

> «Неужели исполнятся пророчества старых жрецов, которые говорили ещё в моей юности: „Не жильцы мы здесь — на север, к студёному морю, в травянистые тундры должны мы направить пальцы ног своих“?
> Пусть будет, что угодно великим богам! Я же буду защищаться до последних сил в своём каменном гнезде — на скале высокой, над которой только коршуны и ястребы летают.

> Не оставлю я его, старый ворон, без ужасной битвы — у стремнин, в пещерах горных, на крышах башен и домов!»

Пермяне, ободрённые Редигаром и Бурматом, вступили в битву с несметным войском врагов. Редигар, вооружённый копьём и саблей, выехал на поляну и вызвал на единоборство одного из воинов в красных кафтанах. Навстречу ему выехал человек огромного роста на гнедой лошади. Они ударили друг друга копьями — искры вылетели из стали кольчуг, но всадники остались неподвижны в сёдлах, будто вырезаны из скалы. Кони столкнулись так сильно, что оба опрокинулись на бок. Сабли, как молнии, заблистали над головами витязей.

В этот миг раздался вопль в обоих войсках — крики, как удары грома, потрясли воздух, и эхо ответило из ближних и дальних лесов, со склонов скалистых гор.

Войска бросились друг на друга, как тучи сталкиваются на небе, и стрелы-молнии потрясают землю. Звон кольчуг, свист стрел, стук сабель и копий, ржание коней, стоны умирающих и победные клики, треск падающих деревьев — всё наполнило поляны, берега рек и лесные трущобы. Небо дрожало от битвы, земля стонала, скорбя о детях своих, так яростно истребляющих друг друга.

Битва, как огонь, быстро распространилась с берега реки на поляны и холмы, затем перешла в леса и девственные трущобы. Воины бились у корней деревьев, на ветвях и даже на качающихся вершинах.

Царь Корь смотрел на сражение с высокой башни, посылая подкрепления ослабевающим витязям Перми. Но к жаркому полдню он с грустью увидел: войско его ослабело, колена богатырей подломились, руки устали сечь несметное число врагов, которые множились, будто из земли вырастали. К закату остатки войск, как мыши, ползли на высокую гору под защиту стен и башен, а неизвестные враги окружили Искорь красным кольцом.

Наступила тёмная ночь. Жители Искоря зажгли огромные костры по краям скалы и с оружием в руках ждали врага. Вдалеке, во мраке лесов, волки и лисицы завыли, обрадовавшись трупам воинов. Над вершинами сосен и елей кружились чёрные вороны и остроглазые коршуны.

В полночь облако покрыло город — но это было не облако, а **птица Рык**. Она крыльями укрыла город и человечьим голосом сказала:

> «Времена исполнились. Город неприступный будет взят врагами. Все погибнут — кроме вдохновенного певца Ворморта, царя Коря благодушного, несчастного Мичаморта и его невесты!»

Сказав это, птица снялась с города — на этот раз не прикрыв его могучими крыльями. Настали чёрные дни для Перми — дни бедствий и несказанных печалей.

Царь Корь не спешил решать, но, решившись, стоял твёрдо. Он хотел защищать город, пока жив. С восходом солнца со всех сторон на скалу поползли неизвестные люди в красных кафтанах, в меховых шапках с красным верхом. Как стрижи, они прятались в пещерах и трещинах, цеплялись за утёсы, за углы камней, за сухие кусты можжевельника.

Корь велел бросать на них брёвна, лить горящую смолу, камни и пепел. С грохотом падали на головы врагов гиганты-сосны, сумрачные ели и белые берёзы. Смола лилась огненными потоками. Неизвестные воины падали с утеса вниз — в каменистую долину и ущелья, как птенцы, выброшенные из гнезда.

> «Это не люди, — говорил вождь красных войск, глядя из золотой палатки, — а злые гогимагоги, загнанные великим царём Македонян в каменные горы! Чего они хотят? Мы с голоду уморим их — это львиное гнездо!»

И снова лезли на скалу широколицые, узкоглазые люди в кафтанах — и снова падали в бездну, оглушённые брёвнами.

Осада длилась от ущерба луны до её зрелого света и снова до нового ущерба. Враги уже устали, просили вождя вернуться в степи, к детям и женам:

> «Довольно бились мы здесь, в этих диких горах, в пустых ущельях, где нет ни богатств, ни добычи! Народу мало в этой дикой, лесной местности у быстрых, неприветливых рек!»

Но вождь медлил — рок привёл его в тёмные северные страны к простым народам.

А пермские певцы, стоя на стенах и башнях, пели воинам:

Защищайте Пермь великую и Коря —
Благодушного владыку
Быстрой Камы, светлой Колвы,
Жёлтой Выньвы многодарной!

Рек великих, изобильных
Рыбой белой, рыбой красной,
Чешуйчато-золотистой,
Желтоперой, серебристой!

Меткие стрелки — мужайтесь!
Натяните ваши луки:
Звон тетивы так приятен,
Сладостно жужжанье стрелы!

Защищайте страну белок,
Красных и пушистых урьпи,
Горностая и лисицы,
Землю гор и рек прозрачных,
Где свободно все летают
Птицы божьи в тёмных пармах —
Рябчик серый, сонный тетерев,
Куропаток кротких стая!

Помощь к вам придёт с востока,
Войско с запада примчится!
Не робейте, дети Перми —
Умереть приятно дома,
Сложить голову за город,
Где вы жили так счастливо,
Проводили дни златые,
Наслаждаясь звоном песен,
Изумрудом зимних сказок
И топазом лучезарным,
Прибауток, слов народных
И сказанья дней минувших!

Ваши жёны, детки ваши
Просят, молят вас о том же.

> Тучи стрел не страшны парме —
> Сабли не берут её храбрых,
> Копья страшны лишь для трусливых!
>
> Не бойтесь узкоглазых,
> Желтолицых незнакомцев,
> Воинов в кафтанах красных!
> Дождь пойдёт — и прекратится,
> Чёрный день сменится ясным,
> Так и битва умолкнет —
> Саранча, поевши хлебы,
> К югу снова удалится!
>
> Будь смелее, царский воин,
> Отражай удары рока!
> Так поём мы песни битвы,
> Воспеваем сладость смерти!
>
> Защищайте, охраняйте
> Пермь великую и Коря —
> Город чудный, дом нагорный,
> Светоч Перми многославной!
>
> Ты не бойся вражьих козней —
> Не попасть им, желтолицым,
> Узкоглазым незнакомцам
> В этот город пёстроцветный,
> В терема с пурпурной крышей!
>
> И под сень кумирниц наших
> Боги неба не допустят
> Врагов Перми одолеть вас!
>
> Так мужайтесь, чада Коми!
> Охраняйте, защищайте
> Пермь великую и Коря!

Так пели певцы, возбуждая народ к битве. Жрецы читали заклинания, произносили чёрные, губительные заговоры, обращаясь к богам неба и земли.

После их заклятий с неба хлынул могучий ливень. Потоки и горные ключи вышли из берегов, снесли холмы в тёмные долины — прямо на войско иноземцев. Те отбежали далеко от города, а реки гнали за ними мутными, гневными волнами.

Птица Рык сидела на вершине Уральских гор и смотрела на небо, ожидая решения великого бога **Енмара** — повелителя смертных и бессмертных: погибнуть ли Перми или спастись?

Отец неба и земли молчал, читая золотую книгу судеб о царствах и народах, о минувшем и грядущем.

Тогда птица Рык сказала:

> «Великий Бог, сидящий в золотом дворце на железной крыше неба! Неужели мои пророчества не сбудутся? Неужели презрены будут твои постановления? Разве небесная книга неверно пишет о делах матери-земли?»

Услышав слова великой птицы, Енмар решил предать город мечу и огню — такова была его воля, таковы были начертания небесной книги.

Ливень прекратился. С облаков спустилась на землю многоцветная радуга **Огка-Мёгика**. Она, вытянув длинную шею, уткнулась головой в потоки и выпила все воды рек и ручьёв. Обнажились зелёные равнины, и враги в кумачевых одеяниях вернулись к городу.

В тёмную осеннюю ночь, когда пермяки меньше всего их ждали, они взобрались на стены. Городские стены были взяты, башни разрушены таранами, город оказался в пламени огня.

Царь Корь и его войско ещё сражались на крышах у входа в высокие кумирницы… Но один за другим падали пермяки от ударов сабель. Настал последний час для города. На высокой скале коршуны уже клевали птенцов в самом гнезде.

Вместе стояли Корь и Мичаморт, а за ними — светлый певец Ворморт, дрожащий, с домброй в руке. Царь ещё высоко поднимал меч и рубил головы врагов, окруживших терем, и Мичаморт помогал ему.

Но вдруг облако прикрыло их — птица Рык налетела и взяла на хребет **Мичаморта**, **царя Коря** и **вдохновенного музыканта Ворморта**.

Высоко поднялась великая птица и, как утренняя заря, перелетела через вражьи головы, через скалы и леса. Только пролетая над священным лесом бога Войпеля, она распустила крылья, как две белые тучи, спустилась к жилищу жреца и взяла на спину **Бараморта** и его светлокудрую дочь **Тарьялу** — *для посева грядущих племён*.

На север полетела таинственная птица Рык — к верховьям Вычегды. Там, на высокой горе с синей, лесистой вершиной — **Джеджим-парма** — она положила людей, которых перенесла с великой Камы: царя Коря, Мичаморта, Тарьялу, Ворморта и жреца Войпеля.

> «Здесь живите, — сказала она. — Глядите на север — до моря лановам! Жить — до студёных волн океана!»

Сказав это, с шумом, подобным дождю и бури, она поднялась в голубые поля небесных пространств и сквозь синий воздух улетела на высоты дальних Уральских гор.

Эпилог

Зажили в шалаше на Джеджиме царь Корь и Мичаморт со своей Тарьялой. С ними были жрец и Ворморт — певец лесов.

Корь советовал Мичаморту собрать народ, живущий по берегам жёлтой Вычегды, построить город на парме, обложить данью всех туземцев, пьющих воду с притоков Вычегды, и создать крепкое царство в лесных трущобах.

Но к ним пришёл старик седой — был ли то бог или лесной дух, никто не знал — и сказал:

> «Не нужно нам войска, не нужно царства. Мы живём здесь вольно, как звери лесные, как птицы воздуха. Южные народы, пожирая всё — злаки, зверей, каменные руды — идут на север. Но ещё не скоро придут к нам. Пока живём на свободе — дети великого Ена!»

Сказав это, он скрылся.

Мичаморт послушался его. Царь Корь, тоскуя по синей Колве и своему городу — каменному гнезду — скоро умер в парме под высокой елью. Так кончились дни его.

А Мичаморт зажил новой жизнью — подражая рыбам и птицам, а не южным, хищным народам, что сами страдают и другим не дают покоя на окраинах мира.

Певец Ворморт ходил по лесам, пел и причитал, играя на домбре:

> Грозно-страшное случилось —
> Птица Рык перенесла нас
> Через горы, реки, долы
> В землю дальнюю, на север,
> К берегам песчаной Эжвы,
> На вершину Джеджим-парма.
>
> Плачу, плачу я о Каме —
> Светлой речке тихоструйной!
> Реки слёз я проливаю
> О минувшем, о великом,
> Лучезарном царстве Коря,
> О скале темно-сеннистой!
>
> Петрочветный, невглядный —
> Где ты, где ты, город Искорь,
> Несравненный на Востоке,
> Изумруд меж гор туманных,
> Меж камней темноцветных
> Выглядишь топазом светлым!
>
> Драгоценность средь пустыни,
> Сердце жизни, светлый город —
> Тебя в пепел превратили
> Злые люди, те южане!..
>
> Птицу, плачу, одинокий,
> Реки слёз я проливаю
> О тебе, мой милый Искорь!
> Не забуду никогда я
> Светлый образ лучезарный.

> Буду петь я славу Перми,
> Оглашать долины, горы!
> Звуки домбры прозвучат здесь
> В поученье дальним людям
> И потомкам в назиданье:
> Как страдал наш Корь великий
> Ради славы отдалённой —
> Город взят был для того же,
> Для невест грядущих дальше,
> Чтобы струны их дрожали,
> Раздавались песнопенья
> О минувшей славе Коми,
> О делах великих, страшных —
> Для потомков непонятных!
>
> Пармы тёмные, услышьте
> Мои стоны, песни домбры!
> Мои слёзы передайте
> Всем грядущим поколеньям —
> Ничего не забывайте:
> О делах великих Коря,
> О страданьях гордой Перми!
> Плачу я и неутешен,
> Реки слёз я проливаю…

Так пел певец — и слова его сохранились в тёмных пармах, в светлых борах, в пенье птиц, в шелесте лесов.

От них узнал я это старое предание о царе Коре.

К. Жаков

Перепечатано из №№ 51, 56, 59 и 61 «Архангельской губернской ведомости», 1911 г.